

УДК 81'27

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/16

ЭТНОНИМЫ «РУСИН», «РУСИНСКИЙ» В РУССКОЙ РЕЧИ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

З.И. Резанова¹, К.С. Шильяев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: shilyaevc@gmail.com

Авторское резюме

В статье анализируются способы и типы актуализации в контекстах русской речи этнонимов *русин*, *русинский* на протяжении трех столетий, выявляются типовые контексты, дискурсы и жанры их актуализации. Исследование выполнено в русле социолингвистического подхода: результаты лингвистического анализа семантики и функционирования языковых единиц рассматриваются как свидетельства соотнесенных с ними социальных явлений. В качестве основного источника материала используется Национальный корпус русского языка, привлекаются данные словарей. Выявлено, что русинский этнос позиционируется двумя способами: как единый с общерусским и другими этносами либо как противоположный окружающим его этносам. Нередко отмечается внутренняя разнородность русинского этноса по принципу самоопределения относительно других этносов. При этом все контексты всех исторических этапов характеризует напряженная рефлексия исследуемых этнонимов. Общая жанрово-временная динамика демонстрирует тенденцию к переходу из более «сиюминутных» дискурсов – публицистических – к художественно-историческому осмыслению. Резкое повышение количества контекстов, начиная с 2000 г. в сфере электронной коммуникации свидетельствует о растущем интересе к проблематике русинства в российской блогосфере.

Ключевые слова: этноним, русин, русинский, социолингвистика, групповая идентичность, Национальный корпус русского языка.

**Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian”
in Russian discourse: a corpus study**

Z.T. Rezanova¹, K.S. Shilyaev²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru²E-mail: shilyaevc@gmail.com**Abstract**

The articles focuses on the analysis of the different ways in which ethnonyms *rusin*, *rusinian* are used in Russian discourse. We apply discourse analysis to the contexts taken from Russian National Corpus in the time range of the last 300 years in order to discover typical contexts, discourses and genres in which these ethnonyms are used. We take these as the evidence of correlated social and historical phenomena that concert the Rusins as an ethnic group. The results have shown that the Rusin ethnicity is presented in two ways: either as united with the Russian ethnicity and its other neighbors, or as opposed to the surrounding ethnicities. The heterogeneous character of the Rusin ethnicity is often highlighted in the context of self-determination relative to other ethnicities. At the same time, all contexts are characterized by an intense reflection on the nature of the ethnonyms *rusin*, *rusinian*. Over time, genre dynamics shows a clear tendency to shift from the more transient discourses (press) to literary and historical reflections. A sharp increase in the amount of contexts from 2000 onward shows a growing interest to Rusin issues in the Russian Internet media.

Keywords: ethnonym, Rusin, sociolinguistics, discourse analysis, collective identity, Russian National Corpus.

Постановка проблемы. Объект исследования в данной статье – этнонимы *русин*, *русинский*, актуализованные в русской речи. Предметом анализа являются способы и типы актуализации в контекстах русской речи этнонимов *русин*, *русинский* на протяжении трех столетий, выявление типовых контекстов, дискурсов и жанров, в которых актуализируются различные аспекты семантики данных слов.

Этноним – лексема, называющая этнические сообщества, а также лиц, к ним принадлежащих. Используется в речи для идентификации как групповой – в качестве наименования этноса, – так и личностной – как имя человека, характеризуемого по его этнической принадлежности. Оба типа функционирования имени специфичны и в то же время тесно взаимосвязаны, что является языковым и текстовым отражением оппозиции и взаимообусловленности двух типов идентичностей, выделенных Э. Эриксоном, – групповой идентичности и эго-идентичности (Эриксон 1996). «Групповая идентичность формируется благодаря тому, что с первого дня жизни воспитание ребенка ориентировано на включение его в данную социальную группу, на выработку присущего данной группе мироощущения. Эго-идентичность формируется параллельно с групповой идентич-

ностью и создает у субъекта чувство устойчивости и непрерывности своего Я» (Идентичность 2015). Вместе с тем они взаимосвязаны, и в их отношениях ведущей является групповая идентичность, так как «индивиды приобретают идентичность и могут изменять ее только в группах» (Хантингтон 2004: 50-52). При этом по отношению и к личностной, и к групповой (в данном случае – этнической) идентификации принципиальным видится противопоставление «я» – «другой»: этноним используется как средство самоидентификации или идентификации себя или другого (*я русин и он, ты русин; мы – русины; они, вы русины*).

Мы считаем важным исследование коммуникативных практик актуализации этнокультурной идентичности, полагая, как и авторы «Новой философской энциклопедии», что «решающим в проявлении этнической идентичности (этничности) выступает... не набор “вещественных” признаков (фенотипические характеристики, язык, культурные особенности, религия), а то значение, которым эти признаки нагружаются в процессе социальной коммуникации» (Идентичность 2000, 2001). Текстовая актуализация этнонима свидетельствует о ситуативной значимости этнической принадлежности человека в различных социокультурных ситуациях и дискурсивных практиках.

В данной статье мы представляем результаты исследования текстовых актуализаций этнонимов *русин, русинский* в русской речи. Как представляется, совокупность контекстов актуализации этнонима может свидетельствовать об интересе в российском этнокультурном пространстве к теме русинов, о векторах направленности этих интересов, проявляющихся в коммуникативной актуальности этнической групповой или личностной идентичности. Мы не изучаем то, как эти этнонимы даны в актуальном сознании носителей русского языка, мы анализируем контексты, в которых они были актуализованы, и те смыслы, которые были важны в данных контекстных актуализациях.

Статья выполнена в русле социалингвистического подхода, в рамках которого результаты лингвистического анализа семантики и функционирования языковых единиц рассматриваются как свидетельства соотнесенных с ними социальных явлений.

Лингвистический анализ функционирования в речи этнонима при таком подходе выступает в качестве базового. Он направлен на выявление: 1) состава специфических текстовых позиций этнонима в речи, смысловых текстовых согласований и оппозиций; 2) дискурсивной и жанровой принадлежности текстовых актуализаций этнонима; 3) аспектов так называемой микродиахронии лексемы – динамики актуализации этнонима в разных дискурсах и жанрах на протяжении трех последних столетий.

На этапе социолингвистического комментирования результатов лингвистического анализа мы исходим из того, что 1) характер распространения этнонима, его актуализаций в текстах разных типов и жанров может рассматриваться как показатель интереса (или отсутствия такового) в обществе к именуемому лексемой этносу, аспектов восприятия этноса и его субъектов в исследуемой лингвокультуре; 2) выявление варьирования дискурсивной и жанровой актуализации этнонима позволяет судить о составе сфер деятельности, связанной с актуализацией смыслов, вводимых анализируемыми этнонимами, – научной, художественной, общественно-политической или бытовой; 3) анализ исторических изменений в функционировании этнонима в речи позволит выявить наличие корреляций интереса к данному этносу в обществе на разных этапах его исторического развития.

Методы анализа, материалы и источники. В качестве основного источника материала, во многом предопределяющего методы и подходы, нами используется Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (Национальный корпус русского языка 2015). Обращение к данному источнику в качестве основного мотивировано тем, что он характеризуется *сбалансированностью и репрезентативностью* текстового материала. Репрезентативным корпус считается, если его текстовый объем превышает 100 млн словоупотреблений, что позволяет выявлять не только наличие языковой единицы в текстовых актуализациях, но и данные об ее относительной частотности. Объем НКРЯ на дату обращения к его материалам при проведении исследования составил 85 996 документов, 229 968 798 слов. Это позволило выявить с большой степенью достоверности относительную частотность использования этнонима и его различных позиций и смысловых актуализаций в русской письменной речи.

НКРЯ относится к корпусам, сбалансированным относительно представления письменных форм русского языка, т. к. «содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.), и... все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода» (НКРЯ 2015), что дало возможность сделать выводы о дискурсивной и жанровой специфике актуализации исследуемого этнонима. Национальный корпус русского языка включает «прозаические (включая драматургию) письменные тексты XVIII – начала XXI века», что явилось основой определения динамики функционирования этнонима в речи на протяжении трех столетий. Наличие в метаразмечке корпуса жанровой, временной, дискурсивной дифференциации текстов позволило нам выявить

соответствующие параметры функциональной специфики этнонима.

В качестве дополнительных источников мы используем данные толковых словарей русского языка, которые позволяют опереться на лексикографическую рефлексию семантики этнонима (Словарь современного русского литературного языка 1961, Толковый словарь живого великорусского языка 1998, Толковый словарь русского языка 1999, Большой толковый словарь русского языка 2000, Толковый словарь русского языка 2000, Толковый словарь русского языка 2003, Современный толковый словарь русского языка 2006). Мы считаем также, что наличие / отсутствие этнонима в академических словарях может считаться косвенным отражением степени узуальной устойчивости лексемы в языке соответствующего периода.

В качестве основы социологического комментария лингвистических выводов мы использовали работы, посвященные истории, культуре, современному состоянию русинского этноса и контактирующих славянских и неславянских этносов (Суляк 2007, 2009а, 2009б, Головацкий 2008).

В исследовании были использованы собственно лингвистические методы анализа семантики: дистрибутивный и компонентный анализ для выявления комплекса актуализируемых смыслов исследуемого этнонима в текстах разной жанровой отнесенности. При этом мы не проводили самостоятельного жанроведческого и дискурсивного анализа текстов, в которых используется исследуемый этноним, следуя данным метаразметки корпуса. При исследовании функционального аспекта этнонима считаем принципиально необходимым сочетание качественных и количественных приемов анализа. Диагностически значимым является параметр относительной частотности актуализаций этнонимов *русин*, *русинский*, т. е. их отношения ко всему составу лексем корпуса, а также отношение частотности выявленных текстовых позиций, смыслов, жанровой и дискурсивной принадлежности единиц к общему числу актуализаций этнонимов *русин*, *русинский* в корпусе.

Анализ лексикографических источников. Этноним *русин* непосредственно отражается академическими словарями русского языка. Он не представлен в словарных статьях «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля (Толковый словарь живого великорусского языка 1998), современных толковых словарей «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой в 4 т., в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (Большой толковый словарь русского языка 2000), в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева (Толковый словарь русского языка 2003), в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (Толковый словарь русского языка 1999).

Словарные статьи этнонимов *русин*, *русинский* представлены в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР в 17 т. (Словарь современного русского литературного языка 1961), в «Большом современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (Современный толковый словарь русского языка 2006), в «Толковом словаре русского языка» в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова (Толковый словарь русского языка 2000). Общей чертой толкований данных словарей является то, что в них *русин* толкуется как имя представителей украинского этноса, дифференцирующим признаком которого является место проживания – Галиция, Прикарпатье и Буковина (Словарь современного русского литературного языка 1961, Современный толковый словарь русского языка 2006), Галиция, Карпатская Русь (Толковый словарь русского языка 2006). Такую же референтную отнесенность термина поддерживает М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» (Этимологический словарь русского языка 1971): «Русин стар. название украинцев в Галиции», – отмечая его производность от имени *Русь*. Значение прилагательного *русинский* толкуется как «относящийся к русину, русинам» (Словарь современного русского литературного языка 1961), свойственный русинам, связанный с ними (Современный толковый словарь русского языка 2006). Говоря о традиции лингвистического истолкования этого этнонима, следует упомянуть, что в словаре, представляющем состояние русского языка XI-XVII вв., *русин* определяется как дублетный термин к этнониму *русский*; иллюстративный контекст представляет оппозицию *русин* – *варяг*: «Оже емати скоть варягу на русинѣ или русину на варязѣ...» (Словарь русского языка XI-XVII вв. 1997).

Истолкование значения слова *русин*, определение его смысла, а именно тип отношения именуемой этнической группы к близкородственным этносам, в толковых словарях русского языка отличается от его определения в энциклопедических словарях¹. Так, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» этническая группа, называемая этнонимом *русин*, соотносится с русским этносом, при этом термин отражает двойную идентичность: этническую – русские, государственную – Австро-Венгрия: «Употребляемое преимущественно поляками и немцами название русского населения австро-венгерских земель, в отличие от русских (русских подданных)» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1890).

Таким образом, данные толковых и энциклопедических словарей, отражающие рефлексию значения соответствующего имени и понятия, свидетельствуют о неоднозначности смыслов, связываемых с термином, в русской культуре.

Анализ данных Национального корпуса русского языка. Далее рассмотрим, по данным НКРЯ, как рефлексится этноним в рус-

ской речи, в каких контекстах и с какими смыслами актуализируется. Обращение к материалам НКРЯ свидетельствует о незначительной частотности использования этнонимов *русин*, *русинский* в русской речи: при общем количестве слов 229 968 798 (на время обращения 19.02.2015) количество актуализаций имени *русин* в его разных значениях – 193 вхождения.

При этом контексты позволяют выделить: I. Типичные актуализируемые позиции и смыслы; II. Типичные дискурсы и жанры; III. Изменения в направленности актуализаций смыслов во времени.

I. Итак, типичные текстовые позиции этнонима *русин* в русской речи – это позиции актуализации этнической идентичности, которые далее противопоставляются 1) по аспекту актуализируемого смысла: а) групповая - личностная: *русины* – *русин*, б) «он (они)-идентичность» - «я (мы)-идентичность», 2) по коммуникативной позиции: пресуппозиция - коммуникативный фокус.

Рассмотрим типичные позиции и актуализируемые смыслы в порядке их убывания.

Одна из наиболее частотных позиций этнонима *русин* – актуализация групповой этнической идентичности в соотношении с другими (29 вхождений). Как правило, этноним реализует функцию установления «они-идентичностей», и эти смыслы находятся в коммуникативном фокусе. Этноним при этом может использоваться в единственном числе, но иметь контекстно актуализованное значение типичного представителя этноса: *...так же точно может мстить поляк и русин* (М. Горький. О евреях. 1919 г.). Как правило, перечислительный ряд составляют этнонимы, это имена либо славянских, либо неславянских, но контактирующих территориально или объединенных государственно этносов. Доминирующие смысловые актуализации – идеи:

1) общности представителей разных этносов по признаку «такой же, как и другой / другие»: *...слияния, смешения нашего даже и с западными славянами (с чехами, хорватами, словаками, галицийскими русинами), насквозь пропитанными либеральным европеизмом* (К.Н. Леонтьев. Кто правее? Письма к В.С. Соловьеву. 1890-1891 гг.);

2) разнообразия: «один из ряда других»: *...подстрекающего чехов, словаков, хорватов и русинов* (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина. 2001 г.);

3) противопоставления, оппозиции: *...последний вовсе не русин, а украинец-гайдамак – неизвестный* (К убийству Потоцкого // «Русское слово». 1908 г.).

Этнонимы в таких контекстах занимают субъектные и объектные позиции при предикатах бытия (*оказываться, быть*): *...нет русских, а есть белорусы, украинцы, русины, галичане и т. д.* (Борис Ключников. Либеральная эпидемия и здоровый протекционизм // «Наш

современник». 2004 г.), социального взаимодействия и коммуникации: *раскол среди русин* (М.О. Меньшиков. Сроки близятся. 1914 г.), *распри между русинами и поляками* (За границей. Телеграммы наших корреспондентов // «Русское слово». 1911 г.), а также *подстрекать, угнетать, мстить, обвинять, подготовить столкновение, смягчение отношений, доведены до озлобления* и др.

Реже этноним встречается в перечислительном ряду имен, выступающих в качестве маркеров групповой идентичности по другим социально значимым признакам, прежде всего профессиональным: *Остальные приглашенные профессора – русины* (Вести // «Русское слово». 1907 г.), а также *хозяин-русин, русин-ксендз, сторож, пленный русин, купцы русины, студент-русин, профессор-русин* и др.

Вместе с тем контексты Национального корпуса русского языка свидетельствуют и об осознании внутренней неоднородности этноса, его членения по различным социально значимым признакам, что проявляется в наличии сочетаемости с дифференцирующими определениями: *...в среде галицких русинов произошло размежевание на так называемых старорусинов... и на молодорусинов* (Как Львов стал украинским городом. 2011 г.), а также *галицийские русины, галицкие русины, австрийские русины, угорские русины, консервативные русины, православные русины, русины города Львова* и др.

Другая типичная функция этнонима *русин* – маркирование личностной идентичности, как правило, «он-идентичности». Типичная синтаксическая позиция этнонима – приложение, выступающее в качестве дополнительного идентификатора человека. Этноним при этом употребляется либо при имени собственном, которое идентифицирует человека, в то время как этноним называет его основной коммуникативно значимый признак: *Убийца гр. Потоцкого – русин* (Львов, 30-го марта – Телеграммы. «Биржевые ведомости» (вечер), 1908 г.), а также *русин Трофим Круця, русин Глебовский, студент-русин Коцка, русин Львов* и др. Этноним *русин* может занимать позицию приложения при нарицательном существительном, называющем человека по иному социально значимому признаку². Как показал анализ, этноним, как правило, занимает позиции приложения при имени профессии, социальной роли: *русин-ксендз, митрополит русин, хозяин-русин, сторож, пленный русин, друзья из русин, студент-русин, приглашенные профессора – русины, профессор-русин*, менее частотны позиции приложения при именах лиц по возрасту и семейным отношениям: *родители – русины, старик русин* и др.

Занимая позицию приложения, вместе с определяемым именем этноним *русин* сочетается в выявленных контекстах с предикатами³: *вспыхнуть, поднять* (в значении «разбудить»), *отказаться, продавать, бежавшие, ограждать частную собственность, станут жить*

в Галиции, кровопролитное столкновение, убийство, проявил себя в формировании национального самосознания. В качестве дополнения этноним *русин* сочетается со следующими предикатами: *выбрать, пригласить, понимать, велеть, перевешать, ухлопать, мне страшно за, похороны убитого, оскорбить*.

Обращает на себя внимание тот факт, что семантика предикатов содержит скорее негативную коннотацию, актуализирующуюся в контекстах, где речь идет о притеснении русинов и их участии в межнациональных конфликтах (*бежать, столкновение, убийство*). При этом этноним *русин* нередко выступает в качестве приложения к объекту при предикате с семантикой вредоносного воздействия (*убить, похоронить, оскорбить* и т. п. – *Состоялись похороны убитого студентами-поляками, при столкновении в университете, студента-русина Коцка* (За границей. Телеграммы наших корреспондентов // «Русское слово». 1910 г.). Предикаты с нейтральной и положительной коннотацией составляют треть от общего числа.

Третья функция этнонима *русин* – установление личностной идентичности, находящейся в коммуникативном фокусе. Данная функция реализуется в особых речевых актах, особенностью которых является замещение этнонимом позиции предиката в высказывании тождества. Данный тип контекстов распадается на три подгруппы, маркированных различием замещения позиции субъекта:

- местоимения первого лица – речевые акты самоидентификации: *я русин, ты русин, Русин их... русин... нихт австриц!*¹⁴ (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая. 1928-1940 гг.);

- идентификация партнера по коммуникации *Ты же, простой, неученный и смиренный Русине...* (Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 1936 г.), *«Кто ты такой? – «Русин (или Руснак)»* (Д.И. Иловайский. Начало Руси. 1876 г.);

- идентификация третьего лица – позиция субъекта замещается либо местоимением третьего лица: *он оказался русином; он «русин» и «крестьянин», т. е. христианин* (Н.К. Гудзий. История древней русской литературы (XVI-XVII вв.). 1938 г.), либо словосочетанием, выделяющим субъекта: *убийца гр. Потоцкого – русин*.

К данной группе контекстов тесно примыкают метаязыковые речевые акты, предметом рефлексии которых является имя *русин*: *сам называет себя Словенином, а не Русином; название Русь, Русин; усвоить себе имя Русина; Русином называет себя в смысле униата или православного* (Д.И. Иловайский. Начало Руси. 1876 г.); *фряг называется львом, аламанин орлом, турчин змеей, русин выдрой, литвин туром, болгарин быком, серб волком и проч.* (Ф.И. Буслаев. Эпическая поэзия. 1851 г.); *население Галицкой Руси называло себя русинами, русскими,*

украинофилы отказались от названия «русины», именуя себя русинами-украинцами (Как Львов стал украинским городом. 2011 г.); украинцы назывались русинами, русины – первое самоназвание украинского народа, этноним «русь» (собирательное), в единственном числе – «русин», этноним «русь» / «русин» употреблялся как самоназвание (Самоназвания народов. 2009-2010 гг.).

В текстах НКРЯ представлены развернутые фрагменты метаязыковых рефлексий, в рамках которых осмысливается как современное значение слова, так и историческое. Основная идея метаязыковых размышлений – установление связей по корню с этнонимом *русь*, *русские*, происхождение этнонима: *Так как название «русины» столь же древнее, как русское племя, и гораздо древнее Габсбургов, то приходится мириться с ним. Но всякое проявление мысли, что русины и русские одно и то же, принимается точно государственная измена* (М.О. Меньшиков. Сроки близятся. 1914 г.); *Наиболее достоверный памятник нашей древней письменности, Русская Правда, употребляет те же два племенные термина: Русин и Словени* (Д.И. Иловайский. Начало Руси. 1876 г.).

Другие контексты свидетельствуют о синхроническом осмыслении этнонима *русин* в свете историко-политических реалий и истории русинов как отдельного этноса: *Говорили и писали эти молодые люди на том смешанном и смешноватом семинарско-российском диалекте, какого и до сих пор, вероятно, держатся в Галиции консервативные русины. Это слово «Russin» и «Russinischer» создано было австрийским правительством, и официально «Основа» именовалась «Russinischer Grundstein»* (П.Д. Боборыкин. Воспоминания. 1906-1913 гг.).

Таким образом, на основе анализа можно выделить следующие базовые смыслы, актуализирующиеся в лексикографических источниках и контекстах НКРЯ. Русинский этнос позиционируется двумя способами: как единый с общерусским и другими этносами либо как противоположный окружающим его этносам. Нередко отмечается внутренняя разнородность русинского этноса по принципу самоопределения относительно других этносов. Причем все контексты всех исторических этапов характеризует напряженная рефлексия исследуемых этнонимов.

II. В предыдущем разделе мы рассмотрели типичные контексты актуализации этнонима *русин*, далее рассмотрим, в каких дискурсах и жанрах актуализируются этнонимы, связана ли актуализация с художественной, научной или политической деятельностью и коммуникацией.

В системе метаразметки НКРЯ противопоставляются обиходно-бытовая, официально-деловая, производственно-техническая речь,

реклама, учебно-научная, художественная, церковно-богословская, электронная коммуникация и публицистика.

Не отмечены контексты *русин, русинский* в официально-деловой, производственно-технической речи и рекламе, единичные контексты отмечены в церковно-богословской литературе («*Ты же, простой, неученный и смиренный Русине, простого и нехитрого Евангелия ся крепко держи, в нем же живот вечный тебе сокровенно есть*» (Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 1936 г.)) и обиходно-бытовой речи (*Газеты, утверждавшие, что это вопиющее на небо преследование и притеснение русинов – молчат; Исключение составляют только венгерские славяне и русины, которые очень угнетены магнатами* (А.В. Никитенко. Дневник. Т. 1. 1826–1855 гг.)). Безусловно, сфера преимущественного функционирования этнонимов *русин, русинский* – публицистика (117 вхождений), второе место занимает художественная и учебно-научная коммуникация. В рамках последней этноним стабильно актуализируется в периоды 1820-1840 гг. – 10 вхождений и 1860-1880 гг. – 11, на период с 1880 по 2000 г. приходится 4 вхождения (всего 25).

Этнонимы *русин, русинский* актуализируются в определенном спектре жанров. К нежанровой прозе принадлежат 14 контекстов (1860-2000 гг.), из которых 9 приходится на 1920-1940 гг. В жанре исторической прозы нами были обнаружены 15 актуализаций, при этом подавляющее большинство приходится на период с 1820 по 1840 г. – 14; единичная актуализация в 2000-2014 гг. Жанр документальной прозы содержит небольшое количество актуализаций (1880-1900 гг. – 3; 1920-1940 гг. – 1).

Нам представляется, что наиболее объективные выводы может дать анализ жанровой и коммуникативной специфики этнонимов *русин, русинский* в контексте их временной актуализации.

III. В третьем разделе мы рассмотрим временную динамику выделенных выше аспектов актуализации этнонима *русин* и типов его дискурсивного осмысления.

При исследовании временной динамики обращает на себя внимание тот факт, что после взрыва интереса к русинской теме в первое двадцатилетие XX в., на которое приходится наибольшее количество публицистических контекстов, следуют практически 60 лет, когда русскоязычная публицистика Советского Союза не обращалась к теме русинов. Это нашло отражение в том, что в корпусе нет контекстов использования этнонимов *русин, русинский* с 1920 по 1960 г. Во временном интервале 1960-2014 гг. отмечаются единичные актуализации по 1-2 контекстам. Данная диспропорция компенсируется в начале XXI в. явной актуализацией этнонима в электронной коммуникации

(23 вхождения): Среди широкой общественности и даже среди части научных сотрудников довольно распространен стереотип, что русинами всегда были только западные украинцы (Самоназвания народов. 2009-2010 гг.).

В целом временную динамику можно охарактеризовать следующим образом. В 1820-1840 гг. встречаются 34 вхождения этнонима *русин*, относительно равномерно распределенных по трем сферам использования: публицистической (10), учебно-научной (10) и художественной (историческая проза, 10).

На период с 1860 по 1880 г. приходится снижение количества актуализаций (18), тем не менее, при распределении по сферам можно заметить в области публицистики снижение менее, чем на 30 % (7 вхождений), а в сфере учебно-научной даже незначительное повышение (11).

В период 1880-1900 гг. обнаруживается наименьшее количество вхождений – 3 в жанре документальной прозы.

Количественный «взрыв» актуализаций исследуемых этнонимов приходится на период 1900-1920 гг. – *русин* (52), *русинский* (36). Все вхождения относятся к сфере публицистики.

В период с 1920 по 1940 г. количество вхождений снижается (9) и происходит резкая смена жанровой направленности: этноним *русин* актуализируется в нежанровой прозе, посвященной осмыслению исторических реалий предшествующих десятилетий: Вс.В. Иванов. Голубые пески. 1923 г., М.А. Шолохов. Тихий Дон. 1928-1940 гг., П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1922 г.

Выводы. Анализ количества текстовых актуализаций по данным НКРЯ выявляет нарастание и спады интереса к теме *русинов* и как к теме славянского единения, и как к теме самоопределения. При этом прослеживаются четко определяемые пики интересов к теме и спады, коррелирующие с характером прорабатывания смыслов в разных дискурсах и жанрах. Первая волна интересов – середина XIX в., вторая – первое двадцатилетие XX в. Оба всплеска связаны с историческими обстоятельствами: преследования русинов в составе Австро-Венгрии (Суляк 2009а) и сопутствующие конфликты, нашедшие отражение в прессе того времени.

Учебно-научная сфера актуализации связана с выходом в свет фундаментальных трудов по истории Государства Российского Н. Карамзина, в которых термин *русин* актуализируется в первом, историческом значении. Вторая половина контекстов приходится на 1860-1880 гг. – это также историческая работа Д.И. Иловайского «Начало Руси», вышедшая в 1876 г.

Общая жанрово-временная динамика демонстрирует тенденцию к переходу из более «сиюминутных» дискурсов – публицистических – к художественно-историческому осмыслению. Уменьшение количества контекстов упоминания этнонимов *русин, русинский*, начиная с 1940 г., во всех сферах коммуникации непосредственно коррелирует с действиями советского правительства после присоединения Галичины к Украинской ССР – были закрыты все русинские организации, русинам было отказано в этнической самостоятельности (Суляк 2007: 50); русинская тематика стала табуированной с 1950-х гг. (Суляк 2007: 52), что отразилось в лакуарности этой темы в контекстах НКРЯ всего спектра дискурсов и жанров.

В настоящее время ситуация изменяется. Резкое повышение количества контекстов, начиная с 2000 г., в сфере электронной коммуникации свидетельствует о растущем интересе к проблематике русинства в российской блогосфере. Мы полагаем, что это является одним из проявлений нового русинского возрождения, активности русинской диаспоры в сфере публицистики и науки. Растущий интерес к русинской проблематике в интернет-СМИ делает возможным продолжение данного исследования на материале контекстов актуализации этнонимов *русин, русинский* в интернет-коммуникации.

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта в рамках Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015-2016 гг.

** Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ/ Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отметим, что наиболее авторитетные энциклопедические словари советской эпохи не включают словарную статью *русин, русины* (Большая советская энциклопедия 1969, Большой энциклопедический словарь 1997).

2. Как неоднократно было отмечено в литературе, имена лица – это скрытые предикаты, характеризующие человека по одному из признаков, что, с одной стороны, наглядно проявляется в производных с выраженной внутренней формой (учитель – тот, кто учит), с другой – в феномене многоименности человека, в том числе и в пространстве одного высказывания (Арутюнова 1976, Резанова 1996). Использование одного имени в качестве субъекта высказывания (подлежащего), а второго – в качестве основного или дополнительного предиката свидетельствует и множественности коммуникативно значимых признаков именуемого человека и о различном характере этого значения.

3. Мы имеем в виду глубинные, семантические предикаты, в тексте они выражаются как собственно предикативными, так и полупредикативными единицами.

4. В данном контексте передан немецкий язык персонажа произведения: ich, nicht.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1976 - *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.

Большая Советская энциклопедия 1969-1978 - *Большая Советская энциклопедия*: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969-1978.

Большой толковый словарь русского языка 2000 - *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С.А. Кузнецов. РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.

Большой энциклопедический словарь 1997 - *Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Советская энциклопедия, 1997. 1456 с.

Головацкий 2008 - *Головацкий Я.Ф.* Карпатская Русь (историко-этнографический очерк) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14). С. 224-261.

Идентичность 2015 - *Идентичность* // Козлов Н.И. Психологос. Энциклопедия практической психологии. М.: Эксмо, 2015. 752 с.

Идентичность 2000, 2001 - *Идентичность* // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН; Председ. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000, 2001. Т. 2. 634 с.

Национальный корпус русского языка 2015 - *Национальный корпус русского языка* / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.02.2015).

Резанова 1996 - *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.

Словарь русского языка XI-XVII вв. 1997 - *Словарь русского языка XI-XVII вв.* / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1997 г. 300 с.

Словарь русского языка 1999 - *Словарь русского языка*: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999 г.

Словарь современного русского литературного языка 1961 - *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12. 1676 с.

Современный толковый словарь русского языка 2006 - *Современный толковый словарь русского языка*: В 3 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ, 2006. Т. 3. 976 с.

Суляк 2007 - Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2007. № 4 (10). С. 29-56.

Суляк 2009а - Суляк С.Г. Русины карпатского региона и русская цивилизация // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2009. № 1 (15). С. 158-162.

Суляк 2009б - Суляк С.Г. Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2009. № 3 (17). С. 61-70.

Толковый словарь живого великорусского языка 1998 - Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. М.: Рус. яз., 1998. Т. 4. 685 с.

Толковый словарь русского языка 2003 - Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель, АСТ, 2003. 1584 с.

Толковый словарь русского языка 1999 - Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой; РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.

Толковый словарь русского языка 2000 - Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000. Т. 3. 1424 с.

Хантингтон 2004 - Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ Транзиткнига, 2004. 635 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1890-1907 - Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс] / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. 1890-1907 гг. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz> (дата обращения: 14.02.2015).

Эрикссон 1996 - Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

Этимологический словарь русского языка 1971 - Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

REFERENCES

Arutyunova 1976 - Arutyunova. N.D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy [The sentence and its meaning: logical and semantic problems], Moscow, Nauka Publ., 1976, 383 p. [in Russian].

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya 1969-78 - Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia], ed. by A.M. Prokhorov, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969-1978 [in Russian].

Bol'shoy tolkovyy slovar' 2000 - Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language], ed. by S.A. Kuznetsov, St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1534 p. [in Russian].

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' 1997 - Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [The Great Encyclopedic Dictionary], ed. by A.M. Prokhorov.

Moscow, Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1997, 1456 p. [in Russian].

Golovatskiy 2008 – *Golovatskiy Ya.F.* Karpatskaya Rus' (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Carpathian Rus' (A Historic-Ethnographical Essay)], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2008, Nr. 3-4 (13-14), pp. 224-261 [in Russian].

Kozlov 2015 – *Kozlov N.I.* Psikhologos. Entsiklopediya prakticheskoy psikhologii [Psychologos. The Encyclopedia of Practical Psychology], Moscow, Eksmo Publ., 2015, 752 p. [in Russian].

Novaya filosofskaya entsiklopediya 2000 – Novaya filosofskaya entsiklopediya [The New Philosophical Encyclopedia], ed. by V.S. Stepin. Moscow, Mysl' Publ., 2000, 634 p. [in Russian].

Natsional'nyy korpus 2015 – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus], Moscow, Institute of the Russian Language RAS Publ., 2015. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 12th February 2015) [in Russian].

Rezanova 1996 – *Rezanova Z.I.* Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya [The functional aspect of word formation: Russian derivative names], Tomsk, Tomsk State University Publ., 1996, 218 p. [in Russian].

Slovar' russkogo yazyka 1997 – Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries], ed. by G.A. Bogatova. Moscow, Institute of the Russian Language RAS Publ., 1997, 300 p. [in Russian].

Slovar' russkogo yazyka 1999 – Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language], ed. by A.P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy yazyk. Publ., 1999. [in Russian].

Slovar' 1961 – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language], Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1961, 1676 p. [in Russian].

Sovremennyy tolkovyy slovar' 2006 – Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [The Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian language], ed. by T.F. Efremova. Moscow, AST Publ., 2006, 976 p. [in Russian].

Sulyak 2007 – *Sulyak S.G.* Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: the past and the present], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2007, Nr. 4 (10), pp. 29-56 [in Russian].

Sulyak 2009a – *Sulyak S.G.* Rusiny karpatskogo regiona i russkaya tsivilizatsiya [Rusins of the Carpathian region and Russian Civilization], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2009, Nr. 1 (15), pp. 158-162 [in Russian].

Sulyak 2009b – *Sulyak S.G.* Rusiny: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Rusins: the past, the present, the future], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2009, Nr. 3 (17), pp. 61-70 [in Russian].

Dal' 1998 – *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explana-

tory Dictionary of the Living Great Russian language, Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998, 685 p. [in Russian].

Tolkovyy slovar' 2003 – Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language], ed. by D.V. Dmitriev, Moscow, Astrel', AST Publ., 2003, 1584 p. [in Russian].

Tolkovyy slovar' 1999 – Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language], ed. by S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova, Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, 939 p. [in Russian].

Tolkovyy slovar' 2000 – Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language], ed. by D.N. Ushakov. Moscow, Astrel' Publ., 2000, 1424 p. [in Russian].

Huntington 2004 – *Huntignton S.* Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti [Who Are We? The Challenges to America's National Identity], trans. from English by A. Bashkirov. Moscow, AST Tranzitkniga Publ., 2004, 635 p. [in Russian].

Entsiklopedicheskiy Slovar' 1890-1907 – Entsiklopedicheskiy Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona [Encyclopedic Dictionary of F.A. Brokgauz and I.A. Efron], ed. by I.E. Andreevskiy, K.K. Arsen'ev, F.F. Petrushevskiy [Online]. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz> (accessed: 14th February 2015) [in Russian].

Erikson 1996 – *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis], trans. from English by A.V. Tolstykh. Moscow, Progress Publ., 1996, 342 p. [in Russian].

Fasmer 1971 – *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' 1971 – Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian language], Moscow, Progress Publ., 1971, 827 p. [in Russian].

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Rezanova Zoya – Doctor of Philological Sciences, Chair of the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology of Tomsk State University.

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Шилиев Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Shilyaev Konstantin – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology of Tomsk State University.

E-mail: shilyaevc@gmail.com